

ГЛАВНЫЙ ТРИЛЛЕР ГОДА

ХОХО

ИЛИАНА КСАНДЕР

Люблю,
МАМА

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К86

Iliana Xander
LOVE, MOM

Copyright © 2024 Iliana Xander

Ксандер, Илиана.

К86 Люблю, мама / Илиана Ксандер ; [перевод с английского
И. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-223915-1

Трагедия. Весь мир скорбит в связи с внезапной кончиной знаменитой писательницы. Она прославилась жуткими психологическими триллерами, сцены из которых не раз шокировали публику своей жестокостью и изощренностью.

Преследование. После похорон ее дочь Маккензи получает загадочное письмо. На конверте нет ни адреса, ни имени отправителя. Лишь пугающие слова: «От фаната №1. ХОХО». Прочитав письмо, Маккензи с изумлением понимает, что его написала... ее мать.

Обман. За первым письмом следует второе, за ним третье... То, что Маккензи там видит, пугает ее до глубины души. Кем была ее мать на самом деле?

Секреты, о которых Маккензи узнает из писем, оказываются куда страшнее романов ее матери...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Голыбина И., перевод на русский язык,
2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-223915-1

ПРОЛОГ

Я никогда никого не била. Но сейчас мне хочется захватить кулаком в лицо, смотрящее на меня с первой полосы национальной газеты. С ее фотографии — с красной помадой и длинными черными волосами. В прекрасное лицо чудовища.

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ

Элизабет Каспер, 43 года, известная всему миру как Е.В. Ранш, автор захватывающих триллеров, была найдена мертвой в результате несчастного случая. О ней скорбят любящий муж, Бен Каспер, и двадцатидвухлетняя дочь, Маккензи Каспер. Мир потрясен трагической потерей талантливой писательницы, умершей слишком рано. Поклонники творчества Элизабет по всей планете воздают ей дань памяти.

Какая ложь...

Холодная улыбка дразнит меня с газетной страницы.
Руки дрожат. Мне хочется вырвать снимок из газеты и стереть из своей памяти.

Она получила по заслугам.

Она заслуживала смерти.

Жаль, что это не произошло раньше.

ЧАСТЬ I

1

Маккензи

Вряд ли вы когда-нибудь видели такие похоронные службы — чтоб никто и слезинки не пролил.

Служба в память моей матери — величайшее шоу года, а может, и всей ее жизни.

Но толпа фанатов у стен Сент-Джордж-Мемориал этого не знает. Они думают, что собрались по собственной воле. Конечно, им же не сказали, сколько денег вкачано в рекламу, инфлюенсеров, колонки светских сплетен и каналы книжных блогеров.

Со смерти матери ее книги опять на вершинах всех чартов.

Смотри-ка, мам! Тебя нет, а денежки идут.

Газеты на прошлой неделе как с цепи сорвались, сыпля дичайшими теориями.

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ Е. В. РАНШ НА ПИКЕ КАРЬЕРЫ: НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ...

Вот почему у задней стены стоит тот дядька — средних лет, с дурацкими усами, в костюме с галстуком.

— Это закрытое мероприятие. Пожалуйста, уйдите, коротко просит его бабуля полушепотом.

Как только он отходит, улыбка на ее лице гаснет.

Не надо быть особенно наблюдательным, чтобы заметить у него под пиджаком кобуру: он детектив. Явился к нам домой два дня назад. Я открыла дверь, и он начал расспрашивать про маму, пока бабуля не слетела по лестнице, словно разъяренная насадка.

— Маккензи, оставь нас, пожалуйста, — скомандовала она, закрыв меня собой. Когда я нырнула за угол, бабуля сухо обратилась к детективу: — Как не стыдно! Вы допрашиваете ребенка, который только что потерял мать!

И вот его снова заставляют уйти.

Газеты и блогеры выдвигали массу безумных предположений насчет смерти моей мамы. Правда — по крайней мере, с точки зрения следователей — куда банальней: она поскользнулась, упала и разбила голову о камень во время ежедневной утренней прогулки по лесу возле нашего дома.

Они называют это несчастным случаем. В маминых бестселлерах такое происходит сплошь и рядом.

Не поймите меня неправильно — некоторые наверняка искренне скорбят. Скажем, та стерва, Лайма Рот, которая сейчас болтает с издателем, как на обычном совещании, — она уж точно. Лайма была агентом моей матери больше двадцати лет. Теперь ей придется забыть о новых книгах, выход которых они уже спланировали. Хотя я не сомневаюсь: она еще наживется на специальных изданиях, цветных обрезах, книжных боксах и всяком таком. В ближайшее время источник вряд ли иссякнет.

Мы кремировали маму несколько дней назад на частной церемонии, где было не больше дюжины человек. Но и там никто не плакал.

Эта служба — исключительно для рекламы. «Для друзей», как они говорят. Дань уважения. Уважение, конечно, всегда было у матери в списке приоритетов, но друзья? Не думаю, что они у нее имелись, хотя, если судить по медоточивым речам, которые я слушаю вот уже часа два, мы хороним чуть ли не Шекспира.

Улицы возле здания запружены народом, но в самом похоронном зале до странности тихо и перешептывания эхом отдаются от стен.

В одном конце стоит гигантский портрет мамы в кружевной блузке со стоячим воротником на фоне красных роз. Под ним написано «*Е.В. Ранш*». Шустрый фотограф, нанятый издательством, щелкает его под разными ракурсами, подывая самого издателя, агентов и отца. Меня он тоже звал попозировать, но я отказалась.

К черту их.

В другом конце зала снимок мамы в ее кабинете. Она при макияже и с укладкой, но выглядит какой-то сонной на фоне книжного стеллажа. Под неформальным портретом ее настоящее имя — Элизабет Каспер. Эта версия ее — для других источников вроде местных газет, церкви, в которую ходит бабуля, и благотворительных фондов, куда мама делала взносы.

Я предпочитаю стоять в уголке, подальше от этого спектакля, рядом с дедом, которому плевать — и так было всегда — на мою мать и на мой внешний вид.

А вот бабуле не плевать. Дома она попросила меня не красить губы моей обычной черной помадой и не рисовать толстые стрелки.

— И надень что-то уместное.

Я всегда ношу черное. Что может быть более уместным для похоронной службы? Как и стрелки, и черная помада, которой я все равно накрасилась.

Бабуля, конечно же, с ног до головы в «Диоре» и дорогуших украшениях. Она следит за тем, чтобы переброситься парой слов с каждым из присутствующих.

Отец в элегантном черном костюме. Выглядит сногшибательно. Лицо, правда, мрачное, но причина, думается мне, в воздержании. Его родители живут в четырех часах езды, но по случаю похорон они остановились у нас дома. Бабуля караулит отца, чтобы он с самого утра не налегал на

спиртное. Теперь, когда мамы не стало, в семье заправляет она.

Что касается меня, мне и хотелось бы заплакать, но я как будто еще не осознала случившееся до конца. Вроде как я грущу, но мне всегда казалось, что маме нет до меня особого дела. А в последние годы мы вообще стали почти чужими.

Мой лучший друг, ЭйДжей, говорит, что это отложенное горевание. А может, я просто бессердечная. Я попросила ЭйДжея не приходить, потому что не хочу, чтобы он видел, какой нелепой была моя жизнь практически столько, сколько я себя помню.

Мы увидимся с ним дома — там будут поминки для «узкого круга». Кейтеринг и прочее. Наверняка закончится вечеринкой, тем более что все называют это «прославлением жизни».

Я обвожу зал глазами и морщусь, видя, как знакомая фигура подходит к отцу и пожимает ему руку. Это декан университета, где я учусь. Закатываю глаза чуть ли не до затылка. Мама специально завела с ним знакомство. «Ради твоего будущего», — так она однажды сказала. Она даже прочитала лекцию в моем университете и пожертвовала приличную сумму. Не удивлюсь, если там поставят ее бюст.

Мамин психоаналитик тоже здесь. Двое ее редакторов. Три ассистентки. Наш семейный адвокат. Большинство ее «друзей» — просто люди, с которыми она работала.

Мне хочется заплакать, честное слово, хочется, но я не могу. Целую неделю после несчастного случая, пока я жила дома, а не в своей квартире-студии в городе, постоянно думала о ней, о нас, о нашей маленькой нелепой семейке. Мне грустно, но я не убита горем, как, наверное, должно быть.

Отец проверяет свой телефон и быстро направляется к двери. Я замечаю какого-то парня в бейсболке — он тоже разворачивается и выходит.

Похоже, сейчас подходящий момент сказать папе, что у меня болит голова и вообще, вот-вот случится нервный срыв — естественно, это ложь, — и сбежать домой. Эмоции и правда закипают у меня внутри, только непонятно, какие именно. Больше всего мне хочется оказаться подальше от этих людей.

Я выхожу в пустой коридорчик, ведущий к другому залу, и вижу, что в самом конце отец разговаривает с тем парнем. Делаю шаг в их сторону и вдруг улавливаю громкий шепот:

— Ты, мешок дерьма!

Чего?!

Отступаю в сторонку, прячусь за дверь; отсюда их не видно, зато слышно каждое слово.

— Не здесь, — шипит отец. — Как ты смеешь?

— Как я смею? Да у меня полное право тут быть.

— Убирайся. Сейчас же.

Мужчина в бейсболке цокает языком.

— Она ничего не заподозрила?

— Кто?

— Маккензи.

Сердце тяжело переваливается у меня в груди при звуке моего имени.

— Не смей упоминать мою дочь!

— О, так значит, нет? Отлично справляешься, малыш Бенни...

Малыш Бенни? Мой папа? Кто может так его называть?

— Я сказал, убирайся, — жарко шепчет отец. — Просто... уйди. Поговорим позже.

Мне хочется выглянуть в дверной проем, и я делаю шаг, но паркетный пол под ковром вдруг предательски скрипит. Скрипит!

Вот черт!

Я замираю на месте, как олень в свете фар. Слышу приглушенные шаги. Тут же в дверях появляется отец. Он видит меня и явно паникует.

— Что это было? — спрашиваю я его и выглядываю в коридорчик. Загадочного парня в бейсболке уже нет.

Отец трет лицо руками.

— Ничего.

— Ты с кем-то ругался?

— Нет, милая, мы просто болтали. — Из внутреннего кармана пиджака он вытаскивает заветную фляжку.

— Ты знаешь этого человека?

Отец нервно отхлебывает и медленно выдыхает.

— Никогда его раньше не видел.

Наглая ложь.

Он прячет фляжку обратно и подмигивает мне.

— Ты в порядке?

— Я тут больше не могу. Эти люди... — Не договорив, я закатываю глаза и киваю головой в сторону большого зала.

— Я знаю. Знаю. — Отец жмурится и щиплет себя за переносицу.

— А ты в порядке?

Отец с мамой не были идеальной парой. Особенно в последнее время. Ссорились чаще, чем обычно, и только их ссоры я и наблюдала, когда проводила с ними выходные, потому что последние два года снимала небольшую студию в городе, поближе к университету.

Отец делает громкий вдох, потом медленно выдыхает сквозь надутые губы. Изображает улыбку.

— Да, милая. — Он мягко похлопывает меня по плечу. — Все будет хорошо. Можешь уйти, если хочешь.

— Увидимся дома, — говорю я и направляюсь к заднему выходу.

Главное представление начнется позже, на улице, когда гости станут выходить. Фанаты со всех уголков страны — единственные, кто и правда скорбит. Издательский дом предусмотрительно привлек свою пиар-команду к «управлению мероприятием». Да, именно так они это называют. Группа наемных актеров должна устроить беспорядки; они будут

выкрикивать разные оскорбления и рвать мамины портреты — мол, Е.В. Ранш была настоящим демоном. Потому что, видите ли, плохого пиара не бывает. Я это знаю, ведь меня заранее предупредили. Сразу после того, как я подписала договор о неразглашении. Выходка, спланированная пиарщиками издательства, должна повисить продажи до небес.

Мне совершенно точно не хочется выходить через главные двери — напрямик в лапы папарацци и безумных фанатов. Выдыхаю с облегчением, когда вижу, что у заднего входа и на парковке никого нет. По дороге к машине у меня звонит телефон.

— Слава богу, — восклицаю в трубку, — я на свободе!

— Держись, Снарки, все почти закончилось. — Голос Эйджея бальзамом льется в уши.

— Ты же придешь, да?

— Уже в пути. Может, доберусь раньше тебя.

— Наверняка у ворот торчат папарацци. Будь осторожен. — Я отпираю водительскую дверцу, собираюсь сесть за руль. — Там будет настоящее... погоди-ка.

На сиденье лежит конверт. Я, недоуменно нахмурившись, поднимаю его.

— Эйджей, не вешай трубку. — Переключаю телефон на громкую связь, сажусь за руль и разглядываю конверт. — Какого черта...

— С тобой все хорошо? — спрашивает он.

— Не уверена, — отвечаю я, и мое сердце едва не выскакивает из груди, когда я читаю на конверте:

От фаната № 1. ХОХО

2

Слава, даже в мире литературы, достается дорогой ценой. Письма от фанатов, сталкеры, а то и банка с мочой или окровавленное белье: сумасшедших вокруг хватает. О вещах пострашней я и говорить не буду, их хватает тоже.